АЗИЯ 13.06.2025 | Эльданиз Гусейнов

Вода, рельсы и ракеты

Новая геополитика транспортных и водных маршрутов между Южной и Центральной Азией

Кашмирский теракт 22 апреля запустил цепь событий, быстро превративших транспортные и водные артерии Евразии в линии геополитического соперничества. Индия ответила на нападение четырехдневной воздушно-ракетной операцией «Синдур» и 23 апреля впервые за 65 лет в одностороннем порядке приостановила действие Договора о водах Инда – уникального режима распределения ресурсов между Дели и Исламабадом.

Конфликт сразу вышел за рамки локального инцидента: под угрозой оказались китайские инвестиции в Пакистан и водная безопасность Южной и в перспективе – Центральной Азии. Такая ситуация побуждает Китай усиливать акцент на сотрудничестве в сфере безопасности, особенно на фоне предстоящего саммита «Китай – Центральная Азия».

Страны Центральной Азии, в свою очередь, не хотят превращаться в пассивных игроков и стараются инициировать собственные форматы повышения взаимосвязанности Центральной и Южной Азии – такие, как «Термезский диалог».

КПЭК как возможность и ахиллесова пята «Пояса и пути»

Главным слабым звеном стала сердцевина «Пояса и пути» – Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). За десятилетие в КПЭК вложено порядка $65 млрд; в Пакистане работают тысячи граждан КНР, а порт Гвадар замыкает сухопутный маршрут из Синьцзяна к Аравийскому морю. Однако ракеты над Белуджистаном и беспилотники над Карачи показали, что при любом витке напряженности эта альтернатива Малаккскому проливу становится уязвимой, ставя под вопрос эффективность вложений и безопасность персонала.

Малаккский пролив – жизненно важная морская артерия для Китая: через него проходит около 80 процентов его импортной нефти, 60 процентов общей морской торговли и свыше 70 процентов экспорта нефти и СПГ. Поскольку Китай покрывает примерно 60 процентов своего потребления нефти за счет импорта, зависимость от этого узкого (2,8 км в самом малом месте) маршрута, по которому ежегодно ходят десятки тысяч судов и который не контролируется Китаем, становится критической.

В 2003 году лидер КНР Ху Цзиньтао назвал эту уязвимость «малаккской дилеммой»: в случае блокады со стороны США или Индии возможен серьезный экономический и логистический кризис. Поэтому внутренняя стабильность Пакистана и стран Центральной Азии приобретает стратегическое значение – из-за крупных инвестиций и использования их территорий как маршрута в обход Малаккского пролива.

Срыв Договора о водах Инда усилил давление на Исламабад даже больше, чем удары индийской авиации

23 апреля Комитет безопасности Индии приостановил действие Договора о водах Инда 1960 года до «убедительного и бесповоротного прекращения пакистанской поддержки терроризма». На сегодняшний день приостановка остается в силе. Срыв Договора о водах Инда усилил давление на Исламабад даже больше, чем удары индийской авиации.

По сообщениям индийских СМИ, дефицит водных ресурсов Пакистана составляет около 21 процента. Объем воды в двух ключевых плотинах сократился примерно на 50 процентов, сток рек – на 15 процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Бассейн Инда обеспечивает водой 80 процентов орошаемых земель Пакистана. Ее потеря уже осложняет посевную и вынуждает искать пути компромисса с Индией или альтернативы – что может создать новый виток напряженности. Экономические последствия мгновенно отражаются на госфинансах, а значит, и на способности обслуживать кредиты по проектам КПЭК.

Китайский мегапроект

Пекин реагирует традиционно – наращивает усилия по созданию альтернативных маршрутов. 1 мая 2025 года на кыргызском участке официально стартовало строительство железной дороги Китай –

Кыргызстан – Узбекистан. Эта линия сократит путь от Кашгара до Андижана на 900 км и создаст «сухой порт» в Ферганской долине – вне досягаемости индийских ракет.

Параллельно Китай продвигает проект трансафганской магистрали, что позволит вывести грузы к Персидскому заливу, обходя нестабильный Карачи и Малаккский пролив. Для Китая надежные маршруты через Центральную Азию становятся не просто альтернативой, а страховкой высшего приоритета.

Данной стратегией Китай фактически создает стратегическое транспортное кольцо влияния, которое позволит миновать уязвимые места в зависимости от эскалации ситуации.

Вода как инструмент давления

В тени транспортных конфликтов формируется не менее опасная водная повестка. Приостановка Договора о водах Инда между Индией и Пакистаном косвенно усложняет и водные отношения Пакистана с Афганистаном – из-за общей водной системы и отсутствия аналогичного соглашения между ними.

По данным пакистанских специалистов, река Кабул снабжает Инд значительным объемом воды, большую часть которого Афганистан использует самостоятельно. Это уменьшает приток в Пакистан и усиливает водный дефицит, приближая страну к критическим показателям.

Из-за отсутствия формального договора с Афганистаном, обладающим юридическим приоритетом как ранний разработчик, Пакистан не имеет гарантий стабильных поступлений. При этом Индия может ограничить приток по восточным притокам, создавая двойное давление и стратегическую уязвимость.

Афганистан, не связанный международными обязательствами, продолжает развивать свою водную инфраструктуру, ослабляя переговорные позиции Пакистана и угрожая его долгосрочной водной безопасности.

На фоне таяния ледников Памира и Гималаев изменение водных режимов может

Индийское финансирование плотин в Афганистане воспринимается в Исламабаде как стратегическая угроза – сигнал, что водная карта становится элементом военно-политического давления.

вызвать цепную реакцию – от торговых сбоев до миграционного давления по всей дуге от Белуджистана до Ташкента

Такая же логика теперь движется на север. Строящийся афганский канал Куш-Тепа должен отводить до 10 куб. км воды в год, около 20 процентов среднегодового стока Амударьи. Если работы завершат к 2027-му, Узбекистан и Туркменистан рискуют потерять до 15 процентов объемов, необходимых для хлопка и продовольственного зерна. Уже сейчас журналисты и аналитики отмечают влияние канала на поступление воды в этих странах.

Казахстан, в свою очередь, предупреждает: снижение уровня Амударьи может повлиять и на Сырдарью. Эффект Куш-Тепы грозит превратить Центральную Азию в заложника южноазиатского водного конфликта. Несмотря на отсутствие формальных договоренностей с Афганистаном, страны региона уже предпринимают шаги к налаживанию устойчивого диалога с Кабулом. Главный аргумент: народ Афганистана также имеет право на использование ресурсов Амударьи – особенно на фоне усугубляющегося водного кризиса, например, в Кабуле.

Хотя эксперты утверждают, что угрозы от канала сильно надуманы, отказ Индии от Договора о водах Инда создает прецедент: если верховья могут «пересмотреть» международный договор, то почему бы Талибану не заявить такие же права на Амударью? Рушится последний аргумент о неприкосновенности водных договоров. На фоне таяния ледников Памира и Гималаев изменение водных режимов может вызвать цепную реакцию – от торговых сбоев до миграционного давления по всей дуге от Белуджистана до Ташкента.

На перекрестке дорог и интересов великих держав

В этих условиях Россия находит новую нишу: предлагая Кабулу реконструкцию тоннеля Саланг и участие в строительстве трансафганской железной дороги с «широкой колеей», Москва связывает свою логистику с Индией через территорию, где Китай пока выступает только кредитором. Две евразийские державы незримо балансируют друг друга, а страны Центральной Азии становятся пространством перекрестных и конкурирующих

инфраструктурных проектов.

Для Европейского союза кризис в Кашмире и на Амударье – не отдаленная угроза, а сигнал тревоги. Брюссель продвигает стратегию Global Gateway, а именно Средний коридор в обход России. Но любой транспортный или зеленый коридор будет настолько надежен, насколько устойчивы его водные и аграрные основы. Если уровень Амударьи критически упадет, странам региона придется выбирать между экспортом контейнеров и собственными рисовыми полями.

Для компаний из Европы, Китая и России, уже инвестирующих в железнодорожные терминалы в регионе, это значит, что логистика больше неотделима от водной дипломатии. ЕС стоит занять более активную позицию в вопросах, где у него есть компетенции – управление водными ресурсами, «зеленое» финансирование и трансграничная устойчивость.

Пока Дели и Исламабад обмениваются ракетами и плотинами, окно для упреждающей водно-инфраструктурной дипломатии еще открыто. Сейчас у Брюсселя и стран Центральной Азии есть шанс задать правила игры, а не подстраиваться под чужие – на фоне пересыхающих рек и пылающих коридоров.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Эльданиз Гусейнов

Эльданиз Гусейнов (Eldaniz Gusseinov) является внештатным научным сотрудником Центра евразийских исследований имени Гейдара Алиева Университета имени Ибн Халдуна (Стамбул), а также является соучредителем консалтинговой компании Nightingale Intelligence International, занимающейся политическим прогнозированием. Специализируется на европейских и международных исследованиях, уделяя особое внимание внешней политике Европейского союза и его взаимодействию со странами Центральной Азии, а также анализу внешнеполитических процессов в Центральной Азии.